

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В СТАНОВЛЕНИИ ГРАЖДАНИНА В ИСТОРИИ РОССИИ

В современном российском политическом и теоретическом дискурсе отсутствует целостное представление о комплексе необходимых социокультурных оснований исторического становления феномена гражданина, о соотношении универсального и локального, устойчивого и изменчивого, институционального и ментального в этом процессе, о внутренней взаимосвязи и взаимном порождении гражданского общества и гражданина как его субъекта

Между тем практическая актуальность проблемы исторического становления феномена гражданина обнаруживается как на глобальном, так и на внутригосударственном уровнях. Процесс глобализации приводит к трансформации властно-политических систем в современном мире. Появляются наднациональные формы членства в социальных общностях («транснациональное», «электронное», «корпоративное» и другие виды гражданства), размывающие прежние нормы функционирования института национального гражданства. Обратной стороной глобализации гражданства становится процесс его дифференциации внутри государств, связанный с распространением культурного партикуляризма. Гражданское общество вытесняется децентрированным мировым сообществом. Возникает проблема жизнеспособности конституционного устройства и соответствующего статуса гражданина. Усиливающаяся взаимозависимость мира приводит к сложному переплетению глобальных и локальных событий, процессов, тенденций, к наложению разных контекстов. В постсоветских обществах обнаруживается значительный разрыв между социокультурным миром (содержанием социальных норм и ценностей, образом мышления граждан, их отношением к общественным явлениям и структурам, стандартами поведения и социализации, нравственно-практическим и коммуникативным опытом) и официально декларируемыми целями построения «демократии, гражданского общества и правового государства». Российский контекст фиксирует ряд острых практических проблем: разрыв между конституционным статусом гражданина и фактической реализацией его прав и свобод, отсутствие постоянно действующих механизмов исполнения законов, неустойчивость институциональной структуры российской демократии, противоречивое сочетание

традиционных и либерально-демократических ценностей в политической культуре общества, низкий уровень участия населения в политике и озабоченности уровнем реализации политических прав, слабость социального доверия и доверия общества к власти, невыполнение обязательств государства перед гражданами и граждан перед государством, взаимозависимость между отсутствием контроля общества над властью и власти над обществом, бюрократизация и коррумпированность государственных структур и другие. Вместе с тем есть и противоположные тенденции. Ответ на вопрос о возможности становления гражданского общества, либерально-демократического государства и гражданина в России зависит от выбора методологии исследования, адекватной практическим потребностям решения искомой проблемы.

Структуру феномена гражданина мы представляем через соотношение трех измерений, задаваемых бинарными оппозициями: 1) *социального и культурного*, 2) *устойчивого и изменчивого*, 3) *универсального и локального*. В большинстве концепций гражданского общества, лежащих в русле преобладающих в литературе теорий модернизации, трансформации и транзита («традиционного» общества в «современное» («гражданское», «цивилизованное»)), оппозиция универсального и локального решается с помощью принципа монизма: путем признания приоритета либо за универсальным, что соответствует философской традиции в диапазоне от Г. Гегеля до Ф. Фукуямы, либо за локальным, что воспроизводит логику Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби. Характерной чертой российских версий теорий модернизации, транзита и трансформации является институционализм: за скобки исследования в них выносятся «изменения смыслов, дотеоретическое знание, которое поддерживает институты» (Б. Г. Капустин). В результате в качестве признаков современности изучаются ее институциональные основания (система представительной демократии, социальная структура западного общества и т. д.), к которым редуцируются культурные (ментальные, субъективные) основания. Следствием абсолютизации институциональной сферы гражданского общества и недооценки социокультурных аспектов его бытия становится отрыв институтов как устойчивых отношений и способов деятельности от граждан. В результате гражданин рассматривается в качестве функции институтов гражданского общества и правового государства, а институты лишаются субъекта социального действия. В результате синхронное рассмотрение явлений социальной реальности в институционализме доминирует над диахроническим, статика — над динамикой, ставшее — над стано-

вающимся. Свойственный институциональным теориям финализм проявляется в отождествлении понятий «современный» и «западный», процессов модернизации и вестернизации. В рамках институционального подхода происходит смешение признаков современного гражданского общества с особенностями эпохи его становления.

В основе институционалистского решения проблемы генезиса гражданского общества лежит европоцентристская философия истории. Деление цивилизаций на доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные — выражение этой линейной философии истории, восходящей к Гегелю, а от него — к христианской священной истории. В соответствии с этой методологией локальное — Запад, европейская цивилизация, предстает как универсальное. Это закрывает путь к исследованию специфики других локальных цивилизаций. Общества и составляющие их субъекты исследуются в предзаданном им идеалом (гражданского общества, гражданина) масштабе, задача их познания ограничивается анализом соответствия данного общества идеалу или наличия движения к таковому.

Абсолютизация номотетического метода институционалистами приводит к предустановлению истории общества универсальных законов, которые затем становятся общей нормой, репрессирующей все отклоняющееся, случайное, индивидуальное в социальной реальности. Гражданское общество выглядит как безликая универсальная сущность, прокладывающая путь без участия индивидуальных субъектов деятельности. Институционально-нормативистские теории гражданского общества воспроизводят образец общества, созданный европейскими классиками, в отрыве от исторического контекста его создания, и рассматривают его в качестве универсальной вневременной нормы общества. Мнимая универсальность образца и теорий, построенных в опоре на него, есть его абстрактность и оторванность от совокупности социокультурных (этнических, религиозных, моральных, правовых, политических) особенностей человеческих общностей. Акцент на инвариантном в феномене гражданина приводит к несоответствию институциональной парадигмы исторической практике: исключенное многообразие обнаруживается «по ту сторону» проблемы «Запад — Россия». В этом случае Россия предстает неким «другим», не соответствующим инвариантным характеристикам феномена, а инвариант оказывается не универсальной социальной категорией, а лишь западным вариантом феномена, рядом с которым сосуществуют и другие варианты. Возможность выхода из теоретического тупика

связана с отказом от монизма в пользу принципа плюрализма, учитывающего более широкий спектр факторов и процессов в человеческой истории, с движением к созданию новой, гибкой методологической парадигмы исследования действительности. Необходим синтез нормативно-институционального и социокультурного типов рассмотрения проблемы, основанный на сбалансированном решении трех рядов оппозиций и в равной мере учитывающий действие разных факторов. Это оказывается возможным в рамках социокультурного подхода к исследованию.

Этот подход позволяет выявить способ соотношения социального (институционального, структурного) и культурного (ментального), универсального и локального, устойчивого и динамичного в феномене гражданина. На этой основе можно определить комплекс социокультурных условий и факторов, которые способствовали возникновению и развитию феномена западноевропейского гражданина, а также осуществить анализ соответствующих условий и факторов в российской истории и культуре. Синтез институционального и социокультурного подходов к проблеме предполагает взаимное дополнение институционального и ментального аспектов рассмотрения проблемы в рамках социокультурной парадигмы, рассматривающей гражданское общество и гражданина как две взаимно обусловленные и взаимопорождающие стороны одной формы социального, нерасторжимо связанные часть и целое. Гражданская культура и сознание (ментальность гражданина) есть и порождающее, и порождаемое культуры гражданского общества, точка столкновения общественного идеала и реальной жизненной практики в индивидуальном сознании деятельного субъекта, от которого зависит воспроизводство тех или иных социальных институтов.

В качестве основ методологии социокультурного анализа для нас выступают синергетика, историко-генетическое описание социальной реальности, концепции глобальной и локальной истории, структурно-функциональный анализ, социология знания, экзистенциализм, философия культуры, методы моделирования и реконструкции социальных явлений и семиотический подход. Объединение и учет взаимной дополнительности подходов открывают возможности рассмотрения феномена гражданина в качестве многогранного целостного явления в единстве его социальных и культурных, объективных и субъективных, устойчивых и динамичных, универсальных и уникальных характеристик, а также совместить синхронический аспект существования феномена (со стороны общества) и диахронический (со стороны культуры).

В рамках социокультурной парадигмы можно рассматривать российскую цивилизацию в качестве региональной, сочетающей черты универсальной и локальной цивилизации. Проблема универсальности и локальности цивилизаций имеет два измерения — пространственное и временное. В пространственном измерении эта проблема предполагает сопоставление западноевропейской и восточноевропейских цивилизаций, в том числе российской, представляющих собой два региона общеевропейского пространства, основу культурного единства которого составляет христианство. Историческое воплощение смысловых интенций христианства происходит не по общему стандарту, а в зависимости от множества конкретно-исторических особенностей сплава природы, истории и культуры каждого региона. Анализ возможностей становления феномена гражданина в России связан с рассмотрением особенностей российской культуры. Субстрат России, как и любой страны, образуется следующими факторами: 1) этническим составом населения, особенностями языка (языков), традиций, обычаев, национального характера и психологии; 2) характером взаимодействия этнических элементов с ценностным содержанием христианства, специфическими основами веры и религиозности, особым местом института церкви в социальной и политической системе государства; 3) доминирующим типом мировоззрения и морально-нравственных ориентаций и установок поведения; 4) эволюцией правовой системы (особенностями законодательства, наличием или отсутствием рецепции римского права, автономных субъектов права, характером сочетания частного и публичного права, традициями правоприменения, судебной системы, массового правосознания); 5) исторической трансформацией политической системы, режима ее функционирования, характера отношения массового индивида, семьи и сословий к верховной власти; 6) спецификой традиций самоорганизации и самоуправления в сельских поселениях и городах; 7) особенностями реализации тенденции к формированию субъекта, автономного в экономическом, социальном, политическом, правовом, моральном и духовном отношении, тенденции к развитию личности. Временное измерение проблемы предполагает выявление исторических слоев в российской цивилизации и выделение исторических форм бытия российского индивида, связанных с его политико-правовым статусом в российском государстве, в том числе современного реального статуса личности.